

Г.Я. Ильина

Общность югославских народов: реальность или фантом?

Аннотация. Содержание терминов «общность», «единство», «взаимодействие» югославянских народов до сих пор волнует исследователей, к какой бы эпохе и сфере знаний – языку, литературе, культуре, политической и гражданской истории – они ни обращались. Существующая размытость, неопределенность этих понятий и терминов приводит к множественности их толкований и функционирования в зависимости от политических и культурных подходов. Только отношение к ним как к историческим категориям позволит наполнить их конкретными значениями и увидеть их трансформацию во времени, как и функционирование всего комплекса признаков общности народов и их культур или отдельных его составляющих, определить, какие из них уходят в прошлое, какие приобретают доминирующее значение, а какие превращаются в бессодержательные стереотипы.

Ключевые слова: югославянские народы, общность, единство, родство языков, происхождение, исторические судьбы

Abstract: The content of the terms «community», «unity», «interaction» of Slavic peoples to still inspires the researchers whatever the epoque and the sphere of knowledge – language, literature, culture, political and social history it is concerned. The current vagueness, uncertainty of these terms and concepts leads to a multiplicity of interpretations, depending on the political and cultural approaches. Only regarding them as historical categories will fill them with specific values and their transformation over the time as well as the functioning of the whole complex of symptoms of peoples community and their cultures or some of its components, to determine which of them belong to the past, which become the dominant value, and which turn to meaningless stereotypes.

Key words: Yugoslav peoples, community, unity, kinship of languages, origin, historical fate

Вопрос поставлен в умышленно заостренной форме. Так или иначе, с ним сталкивается каждый из нас, к какой бы эпохе и к какой бы сфере знания – языку, литературе, культуре, гражданской и политической истории – мы ни обращались. Тема не умирает, и интерес к ней периодически вновь и вновь возрождается. XX и XXI века не исключение. Наоборот, свидетельство обостренного к ней внимания. Столкнулся с ней и коллектив, работавший над

«Лексиконом южнославянских литератур»¹. Напомню, «Лексикон» охватывает семь южнославянских литератур: болгарскую, боснийско-герцеговинскую, македонскую, сербскую, словенскую, хорватскую, черногорскую от истоков их существования до конца XX в. Вопросы об «**общности**», «**единстве**», «**взаимности**», «**солидарности**», **контактных и типологических связях** славянских народов вставали перед нами как при обращении к общим процессам истории литератур и их взаимоотношений, так и при анализе творчества отдельных писателей и определении их национальной литературной принадлежности.

Первое, с чем нам пришлось столкнуться, – это то, с чем сталкивались и сталкиваются другие исследователи: **размытость, неопределенность** самих этих отнюдь не тождественных понятий и терминов, имеющих уже свою солидную историю. Чаще всего именно из-за своей неопределенности они и сейчас употребляются как синонимы, через запятую, без какого бы то ни было пояснения их конкретного наполнения. В результате возникает множественность их толкований и функционирования в зависимости от политического и культурного подходов. Хотя надо отметить, что в современном языке у этих слов есть близкие, часто пересекающиеся значения, но, когда речь идет о терминологии, возникает необходимость большей четкости. Об этом я и хочу поговорить.

Как правило, на вопрос, что определяет содержание понятия «общность югославянских народов», следует незамедлительный стереотипный ответ: родство происхождения, родство или близость языков, верований, традиций, общность (иногда смягченно – сходство) исторических судеб. Существуют ли объективно все эти признаки? Безусловно, да. Проблемы возникают, когда они комплексно или порознь начинают применяться без учета их исторического функционирования. Многочисленные «но» появляются, как только определенный стереотип накладывается на историю и культуру конкретного народа или группы народов определенного времени. В подобном случае мы получаем однозначные, без всяких нюансов ответы, причем с противоположными знаками. Приведу два из них, с моей точки зрения наиболее радикальных и поэтому предельно ясных.

Болгарский ученый Э. Георгиев принимает как аксиому «разностороннюю близость между славянскими народами – племенную, языковую, общественно-историческую, культурную и литературную»². Поэтому, даже создав свои государства, славяне, считает он, «сохраняли общность в исторических судьбах» – и разъясняет: «...славяне жили в тесных контактах между собой, в непрерывном экономическом, общественно-политическом и культурном общении... Они оказывают друг другу помощь, стремятся к

¹ Лексикон южнославянских литератур. М., 2012.

² Георгиев Э. Понятие «славянская общность» в литературоведении // Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973. С. 230.

дружбе и единству, чтобы отстаивать свою свободу и независимость. Эта близость способствует установлению тесных литературных связей, существованию общих литературных традиций, источников, тем, конфликтов и образов, влиянию и заимствованиям, даже иногда общей литературной жизни»¹. Эти суждения автор в большей степени относит к древним периодам, но не только. В то же время исследователь древних эпох Б.Н. Флоря отмечает, что «о существовании различий между отдельными частями славянского мира есть основания говорить уже с того времени, когда в VII в. завершился процесс расслоения славянских племен на обширных территориях Восточной и Центральной Европы». «Различия эти, – продолжает ученый, – были связаны и с очень заметной разницей природно-климатических условий и с взаимодействием славян в отдельных регионах с иным этническим субстратом. Отсюда возникновение уже в догосударственный и доклассовый период жизни славян многих своеобразных черт в материальной и духовной культуре всех частей славянского мира»². Отношения в этом мире складывались отнюдь не только дружественные и солидарные, в нем присутствовали и вражда и междоусобные распри.

Противоположная точка зрения высказана польским ученым С. Кольбушевским в статье «К вопросу о понимании термина «славянская литература» в науке XIX–XX вв». «Попытки создания синтеза славянской культуры, – пишет он, – были бы философской спекуляцией; история литератур показывает также, что идея славянской общности в этой области не имеет оснований... Нужно освободить науку от мифа о единстве, общности славянских литератур, лишнего в эпоху фактического единства славянских народов в едином демократическом лагере»³.

Это две крайние точки зрения. А теперь относительно «но» скептиков, – к которым я отношу и себя, – выступающих против однозначного внеисторического подхода к проблеме. У меня, конечно, есть союзники, которых, по мнению К.И. Ровды, продолжает волновать вопрос: «славянская общность и ее проявления в искусстве – миф, выдумка или живая реальность»?⁴ К ним принадлежит, например, и чешский ученый С. Вольман, который предостерегает от свободного обращения с терминами, в частности с термином «типологические связи». Он, по его мнению, стал употребляться «без учета действительного характера литературных совпадений и сходств. В результате типология нередко превращается из научного понятия в магическую формулу (иногда для защиты от упреков в компаративизме) или же просто в

¹ Георгиев Э. Там же. С. 230–231.

² Флоря Б.Н. Пути развития славянского мира в Средние века и раннее Новое время // Межрегиональная конференция славистов. М., 2005. С. 108.

³ Цит. по: Ровда К.И. Славянская общность и проблемы литературы // Сравнительное изучение славянских литератур. С. 237.

⁴ Там же. С. 237.

“этикетку современности”»¹. Мне кажется, чешский ученый заострил внимание на самом существенном моменте – учете действительного характера литературных совпадений и сходств, без чего мы скатываемся в область мифологии. Такого же мнения придерживался и русский славист Всеволод Дмитриевич Андреев. Говоря об этнокультурной общности славян, он выступал против вольного окружения термина «славянская общность» такими словосочетаниями, как всеславянство, славянское единство, солидарность и т. п. То есть проблема есть, и она периодически возникает вновь. Решения предлагаются, естественно, разные. Я в своих размышлениях опираюсь на выводы авторов «Лексикона» – и своих коллег историков, и лингвистов.

Рассмотрим те несколько основных признаков, которые включаются в понятие общности в применении к югославянским литературам: насколько они подтверждаются в разных исторических и национальных контекстах, а если оно трансформируется, то как.

На первое место, естественно, выступает этническая общность происхождения. Здесь сомнений ни у кого нет, однако практически все соглашались с тем, что значение этого признака на пути от древности к современности явно сужается, играя в современности все меньшую роль в менталитете людей и народов.

Далее следует родство языков. Этот объективно существующий признак до сих пор продолжает оставаться определяющим для утверждения общности юго-славянских народов. «Но» возникают сразу, как только речь заходит о формировании литературных языков. Эту проблему внимательно изучал Никита Ильич Толстой. В своей статье «Культурно-литературные предпосылки образования национальных литературных языков (по материалам сербскохорватского, болгарского и словенского языков)» он детально рассмотрел пути их формирования и пришел к выводу, что «процесс литературного развития у болгар, сербов, хорватов и словенцев, так же как и процесс развития литературных языков, проходил по-разному, различными темпами, с разным составом литературных произведений и жанров, с разным соотношением внутренних и внешних моментов». Причина этого заключается в том, что в донациональный период сербский, болгарский, хорватский и словенский литературные языки принадлежали к разным культурным зонам – греко-славянской и латино-славянской. При этом сербский и болгарский входили в греко-славянскую зону и развивались в условиях гомогенного двуязычия: древнеславяно(церковнославянского)-сербского и болгарского; а в латино-славянской зоне развитие шло в условиях гетерогенного двуязычия: латино (или немецко-итальянского)-хорватского и словенского (я бы еще добавила для хорватского языка – венгерского) языков. «Язык становится, – пишет Толстой, – одним из главных компонентов национального самосознания на-

¹ Вольман С. Возможности и границы сравнительной типологии // Сравнительное изучение славянских литератур. С. 156.

рода, определив специфику южнославянского Национального возрождения, которое заключалось в доминировании задачи создания национального литературного языка и превращения этой филологической задачи в политическую задачу нарождающихся наций»¹. Политическая история оказывает прямое влияние на решение языковых, а следовательно, и литературных проблем. Поэтому в последующие периоды – XIX–XX и в XXI в. – в по-разному складывающихся условиях эта проблема выходит на первый план, символизируя то стремление к объединению, или хотя бы к сближению, народов с близкими языками, то к откровенному отталкиванию. Причем эти колебания происходят в исторически обозримом времени. Напомню о двух соглашениях о сербскохорватском языке. Одно из них принимается в Вене в 1850 г. и называется «О единстве литературного языка в правописании Сербов и Хорватов». Стремясь к единству южнославянской культуры, в разгар Хорватского национального возрождения его подписали известные ученые и писатели: со стороны хорватов – И. Мажуранич, И. Кукулевич-Сакцинский, Д. Деметр, со стороны сербов – В. Караджич и Дж. Даничич. Был и словенец, Ф. Миклошич, но, как известно, словенцы не приняли реформы Караджича. Однако и тогда обе стороны так и не смогли договориться о названии провозглашенного общим языка. Уже в середине XIX в. сталкиваются два формирующихся этнонима – «хорватский» и «сербский», за которыми стояли глубокие политические и культурные проблемы. Тогда же в Хорватии возникает критика идей Караджича, прежде всего его выступлений против хорватского этнонима: он считал хорватских штокавцев «сербскими римского закона» и выражал надежду, что «они привыкнут к тому, что они сербы». В ответ Анте Старчевич, возвеличивая хорватов, не скупился на уничижительные оценки сербов, а то и отрицал вообще их существование². Периодически полемики о языке вспыхивали и во второй половине XIX и первой половине XX в. В Королевстве Югославия они провоцировались официальной теорией о триедином народе и сербско-хорватско-словенском языке. В социалистической Югославии через 100 лет, в 1954 г., возобновляется соглашение о едином народном языке, подписанное видными сербскими и хорватскими писателями и учеными-лингвистами. Однако и в нем признавалось существование двух литературных вариантов языка и, соответственно, вариативность их названия – сербскохорватский или хорваткосербский. А уже в 1967 г. «Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка», кроме официальных учреждений и институтов, подписали практически те же люди, что подписывали новосадское соглашение с хорватской стороны: признанный классик М. Крлежа, известный поэт Ю. Каштелан и также известный

¹ Толстой Н.И. Культурно-литературные предпосылки образования национальных литературных языков (по материалам сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 126.

² См.: Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб., 2001. С. 131–132.

лингвист Д. Брозович. История борьбы за равноправие национального языка и утверждение его самостоятельности не прекращается до сих пор, и часто она трансформируется уже в борьбу цивилизационную, разделяя, а не объединяя югославянские народы.

Следующий очень важный признак – религия. Здесь я сошлюсь на важные работы И.В. Чуркиной о роли национальных церквей в формировании южнославянских наций. В них она рассматривает все те различия, которые были рождены принадлежностью хорватов и словенцев к католической, а сербов, черногорцев и македонцев к православной ветви христианства, когда дифференциация югославян происходила не по этническому, а по конфессионально-культурному принципу и определяла национальное сознание. Я бы еще добавила ту огромную роль, которую в формировании национального менталитета сыграло нахождение югославян в разных государственных образованиях – Венеции, Габсбургской и Турецкой империях. Тесные контакты с итальянскими республиками времени Ренессанса для хорватов Далмации и Дубровника, протестантское движение в Хорватии и Словении, связанное с немецким протестантизмом, как и вообще тесное взаимодействие с австрийской и немецкой культурной средой, а через нее – с другими европейскими культурами и наукой, безусловно, повлияли на формирование менталитета хорватов и словенцев, отличного от православных югославян, находившихся под властью Османов. Оно воспитывало у них чувство своей причастности к Центральной Европе и отталкивание от Балкан, что, конечно, использовалось политиками. Самая сложная ситуация возникла в Боснии и Герцеговине, где с завоеванием ее турками сформировалась многочисленная третья религиозная группа – славянские мусульмане, разделившая ее по конфессиональному принципу, оказавшему громадное влияние на боснийский менталитет и отношения между населявшими этот район народами. Это великолепно выразил Андрич в рассказе «Письмо, датированное 1920 годом», неслучайно опубликованном почти сразу после Второй мировой войны, в 1946 г., и не потерявшем своего современного звучания. В нем он создает образ ночного Сараево, где в два часа пополудни бьют часы на башне католического собора, через минуту с небольшим звучат часы на православной церкви, а вслед за ними призрачные турецкие одиннадцать часов отбиваются на минарете мечети. У евреев нет своих часов с боем, и потому неизвестно, по какому времени живут сефарды и ашкенази. «Даже ночью, – пишет Андрич, – когда все спят, когда текут глухие ночные часы, не дремлет рознь, разделяя сонных людей, которые, проснувшись, радуются и печалются, постанут и говеют по четырем враждующим календарям и воссылают к небу молитвы на четырех разных языках. И эта рознь то явно и открыто, то незаметно и исподволь сливается и отождествляется с ненавистью»¹.

¹ Андрич И. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1984. С. 349.

Во всяком случае, нельзя не согласиться с двумя основными выводами И.В. Чуркиной. Во-первых, национальная церковь, с одной стороны, способствовала сплочению этноса, охраняя его самобытность, культуру и язык, а с другой, становилась причиной размежевания близкородственного населения; во-вторых, «попытки уменьшить значение конфессиональных моментов в менталитете южнославянских народов в XIX–XX вв. успеха не имели»¹. Добавлю, и в XXI в. тоже.

И наконец, включение в толкование общности югославянских народов такого признака, как общность исторических судеб, стало фактором создания национальной и югославянской мифологии, тесно завязанной на национальных пристрастиях, а то и национализме, или, наоборот, на югославизме. В одном из последних своих выступлений В.К. Волков с грустью сказал: «Славяне никогда не были особенно дружной семьей»², – сославшись при этом на известные строки из стихотворения Пушкина «Клеветникам России»: «...оставьте этот спор славян между собой / Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбой». Я приведу другие строки из черновиков Пушкина, где он более определенно называет славянские распри «семейной враждой». Это точнее характеризует отношения не только поляков и русских, но и вообще славян друг к другу. Все мы знаем, что на протяжении веков не раз возникали трагические ситуации, ставившие под вопрос «славянскую взаимность» и «взаимопомощь», а в более общем плане и «общность»: болгаро-сербские и сербско-болгарские войны, завоевания сербами Зеты и нападения на адриатические города; в более поздние времена – принудительное участие славян в австро-турецких и русско-турецких войнах по разные стороны баррикад. Многие из них зафиксировала и художественная литература. Есть хороший роман черногорско-боснийского писателя Чамила Сиярича «Царское войско», в котором он описывает, как по боснийским селам из бедноты собиралось турецкое войско и отправлялось на войну с Московией. А Балканские войны, а Первая мировая война, в которой австрийские славяне воюют против Антанты, т. е. против России и Сербии. Вот где заложены истоки взаимного недоверия, непонимания и прямой вражды, которые таятся в сознании народов. Это так страшно подтвердилось в годы Второй мировой войны, сопровождавшейся межнациональной и гражданской войнами, и в конце XX в., в годы распада Югославии, когда национальное самосознание брало верх над идеями славянского родства и взаимности, превращая в фикцию лозунги о братстве и единстве. Но не только лозунги. Под сомнение ставится, с основанием и без оно, как не имеющие в современности значения,

¹ Чуркина И.В. Национальная церковь и формирование южнославянских наций // Вопросы истории. 2001. №3. С. 56–57.

² Волков В.К. Славянская идея и русское самосознание // Межрегиональная конференция славистов. М., 2005. С. 6.

и более существенные факты, например восприятие славянской общности как тормоза для вхождения в общность европейскую.

Итак, отменяет ли все, о чем говорилось, объективный факт существования этноязыковой общности югославян, типологическое сходство в их культурах и литературах? Конечно, нет. Но само толкование этих понятий требует отношения к ним **как историческим категориям**. Тогда есть возможность увидеть то, что на современном этапе многие признаки общности в прошлом уходят в историю, изменяется их содержание или трансформируется функционирование всего комплекса признаков или одного из них. Увидеть те коррективы, которые вносит время и конкретные ситуации – как под действием центростремительных, интегрирующих тенденций, так и центробежных, дифференцирующих. Одни признаки уходят в тень или исчезают вовсе, другие приобретают доминирующее значение, а некоторые превращаются в бессодержательные стереотипы.

В наши дни чувствуется некоторая усталость от националистической одержимости, овладевшей югославянскими народами в период распада Югославии и после него. Более того, против нее открыто выступают общественные и культурные деятели. С ностальгией поговаривают о югославском культурном пространстве. Начинают возвращаться некоторые формы взаимодействия, правда, без лозунгов о братстве и единстве и мнимой общности. В заключение мне хочется привести еще одно суждение В.К. Волкова, оно мне кажется очень точным. Он сказал: «Славянская взаимность в наши дни – это скорее осознанная необходимость»¹. Это действительно так. Глобализационные процессы, наступающие на национальные культуры, заставляют продумывать пути их защиты и, ни в коей мере не отказываясь от включенности в мировой и европейский контекст, искать способы взаимного отстаивания своего культурного мира. Для выполнения этой задачи культура и наука могут сделать очень многое.

Сведения об авторе:
Галина Яковлевна Ильина,
докт. филол. наук
профессор
ведущий научн. сотрудник
Институт славяноведения РАН

Galina Iljina
Doctor of Philology
Professor
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies
RAS

¹ Волков В.К. Славянская идея и русское самосознание. С. 12.